

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

СРАЖАЯСЬ ЗА РОДИНУ

Литература в годы Великой Отечественной войны

*Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.*

Песня времён войны

ПЕРЕД НАЧАЛОМ

Да, война началась двадцать второго июня. А готовились ли к ней? Тут водораздел мнений.

– Нет, конечно, никакой подготовки. Жертвы первых дней и месяцев говорят сами за себя. Руководство страны растерялось, испугалось, бросило армию и народ.

Другой взгляд:

– Готовились, но не успели. Против нас оказалась вся Европа. Времени не хватило. Ведь за 40 дней пала Франция, за несколько дней – Дания, Норвегия, Греция, Югославия. Рухнула Польша, руководство которой отказалось из-за своей зоологической ненависти к России от помощи Советского Союза. Вся Европа (кроме Англии) работала на Германию.

Кто способен был остановить Европу во главе с Гитлером?

После войны выходило немало книг, воспоминаний о начале войны, её победоносном окончании. В общем, шёл поиск причин поражений и истоков побед. Официальная идеология отвечала довольно чётко: причина побед – в руководящей и направляющей роли Коммунистической партии, в социалистическом строе, в умении, сплочённости руководства во главе со Сталиным (после XX съезда КПСС этот тезис всё больше и больше корректировали), в ускоренной индустриализации страны, в мужестве, стойкости, терпении нашего народа, в отсутствии мощной пятой колонны.

Ну что же, в каждом из этих положений была своя доля правды.

Но была правда и в другом. Ошиблись в сроках, когда ожидали нападения Германии (думали, оно состоится в 1942 году). Ожидали нападения Гитлера (Сталин предупредил об этом на выпуске командного состава из военных училищ), объявили частичную мобилизацию в ряде областей в мае и июне 1941 года. И только что запустили в производство лучшие образцы военной техники (танк Т-34, штурмовик ИЛ-2, реактивный миномёт “Катюша”). Эх, если бы раньше!

Гудериан, танковый стратег Германии, получив ощутимый удар по своей бронированной орде от атак “тридцатьчетвёрок” под Ельцом глубокой осенью 1941 года, глубокомысленно отметил:

“Если бы мы знали, что у России есть такой танк, как Т-34, то Германия бы не начала войну”. Если бы они и мы больше знали к началу войны...

К ошибкам, просчётам и преступлениям относят аресты и расстрелы, устранение из армии большого количества командного состава. Нет сомнения, что это ослабляло армию, но новая война показала, что старыми методами и приёмами воевать было нельзя. Командиры появлялись и учились в бою, там же погибали, и на их место становились другие. Это были жестокие, но необходимые уроки войны.

В 1972 году я от имени комсомола и издательства “Молодая гвардия” поздравлял с 75-летием Георгия Константиновича Жукова. В беседе я спросил у маршала: “А всё-таки, Георгий Константинович, почему мы победили?” Секретарь ЦК комсомола взглянул на меня с удивлением, но маршал после паузы сказал: “Правильный вопрос. Вот один из ответов. Действительно, Германия по всем статьям тогда была лучше готова к войне, чем мы. Возьмите генералов. Мы в академиях военных учились у Клаузевица, Шлиффена, Мольтке. Прусский офицер – это же военная косточка, каста целая. Немецкий солдат покорила Европу, победоносно прошёл по дорогам Франции, Бельгии, Польши, взял Норвегию, Грецию, Крит. Англия дрожала. Немецкая техника на начало войны была лучше нашей – “мессершмитты”, “фокке-вульфы”, “тигры”, автоматы. Мы войной учились. – Подумав, Жуков закончил, как мне показалось, торжественно и с назиданием: – Мы победили потому, что у нас был храбрый, патриотический молодой солдат, политически обученный, душевно подготовленный сражаться за Родину”.

Так как же вырабатывалась эта идеология, этот дух патриотизма, который помог воспитать такого солдата? В тридцатых годах в стране произошло важное, переломное событие для массового сознания.

Если в двадцатые годы идеологи, “пролетарские” писатели лихо гарцевали на лозунге “мировой революции”, на всеобщем интернационализме, на отрицании “дворянской” классики (“Пушкин – певец дворянской усадьбы”), то к концу подлинной “культурной революции”, когда народ в массе своей стал грамотным (а ведь до 30-х годов 70% населения не владели грамотой), определённые круги в партии и во власти приняли решение издавать миллионными тиражами русскую и мировую классику. Иногда, правда, адаптированную и с предисловиями, где Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Крылов, Толстой, Салтыков-Щедрин, Чехов представлялись как антибуржуазные писатели, что в немалой степени было верно.

К молодому читателю, жадно поглощающему книгу, пришли великие светочи, мастера слова и высокого духа и, конечно, патриоты России.

Представляете, если бы к нам тогда хлынул поток американских комиксов, детективов сегодняшнего дня, пошлости и порнографии западного “цивилизованного” мира, что идёт сегодня к молодежи? Способны ли были бы молодые тех лет встать на защиту Отечества (“Да лучше бы нас немцы завоевали, мы бы баварское пиво давно пили”, – заявляли поглотители такого чтива в период перестройки).

В это же время появляются и знаменитые документы и постановления о том, чтобы перестать заимствовать образцы “передового” просвещения и некие “стандарты” безответственного “бригадного” обучения, а изучать конкретную историю с реальными историческими лицами и событиями, изучать классический русский язык, его духовную народную основу.

Разухабистым поносителям отечественной истории досталось. Самого Демьяна Бедного, частушечника и балагура, псевдонародного певца революции, раскритиковали в “Правде”. В статье подверглась критике постановка в Камерном театре пьесы “Богатыри”, в которой были искажены образы былинных героев, не раскрыты такие свойства национального характера, как мужество, доблесть, допущена “фальсификация народного прошлого”. Смысл публикации, обращённой ко всем сочинителям: пора кончать издеваться над русскими богатырями – они ещё пригодятся.

С конца тридцатых годов всё больше появляется исторических произведений о великих полководцах и героях прошлого. Выходят книги и фильмы о Суворове, Александре Невском, Кузьме Минине, Богдане Хмельницком.

Большое впечатление производила эпопея С. Сергеева-Ценского “Севастопольская страда”. Это было обращение к образам русских воинов: матроса Кошки, сестры милосердия Даши Севастопольской, богатыря Шевченко, адмиралов Нахимова, Корнилова, великого хирурга Пирогова. Создаются книги о самородках и героях войны народного типа (Чапаев, Пархоменко, Щорс, Кочубей, Лазо). О войне говорили, фашизм представал перед нашим народом в своём зверском, буржуазном и человеконенавистническом обличье. Была, конечно, надежда на интернациональную солидарность трудящихся, но ещё после похода на Польшу в 1920 году, а особенно после схватки с японскими милитаристами на Хасане и Халхин-Голе, после советско-финской войны 1940 года стало ясно, что этого массового резерва для будущей войны нет, хотя справедливости ради и следует сказать о героических действиях отдельных коммунистов и честных людей в пользу Советского Союза в Германии, Швейцарии, Югославии, Франции, Англии, США.

Война чувствовалась, о её приближении говорили А. М. Горький, М. Шолохов, Н. Тихонов, Вс. Вишневский. А. С. Макаренко писал на страницах “Литературной газеты”: “Мы окружены безумием агонизирующего империализма. Где-то там, в чашах дымящихся труб Рура, на нищих полях Италии, в тесноте японских ограбленных городов последние капиталисты истории жаждут войны, они протягивают руки... к железу, углю, к машинам, к нефти, хлебу” (т. 7, с. 150).

Конечно, многие вздрогнули, когда между СССР и Германией был заключён в 1939 году мирный договор. Некоторые фарисеи и сегодня заявляют: “Как можно было заключить договор с фашистской Германией?” Они просто не хотят замечать, что в 1938 году с Гитлером заключили договор (Мюнхенский сговор) цивилизованные Англия и Франция, отдав на растерзание Германии Чехословакию и толкнув немцев на восток против Советского Союза. Двойные стандарты у противников России всегда наготове.

В конце тридцатых годов стало ясно, что надо опираться на свой народ, на его исторические традиции, на нашу общую историю и те завоевания социализма, которые близки массам (отсутствие класса эксплуататоров, дружба народов, широкая грамотность, бесплатное образование), на исторический коллективизм нашего народа.

Коммунистическая партия всё больше и больше понимала роль и значение литературы и искусства в жизни общества, в воспитании нравственности, патриотизма, чувства гордости за своё Отечество, за советский народ. Она подчеркивала роль русских людей, подвижников державы, национального русского характера. Ещё вчера это было немыслимо, а сегодня героями народа становились Сусанин, Минин и Пожарский, Суворов, Пётр I. На их фоне бледнели и почти исчезали из народного восприятия Карл Либкнехт и Роза Люксембург, Клара Цеткин, Кингисепп, Сакко и Ванцетти. Правда, их именами ещё называли улицы, но городам, посёлкам, улицам с именами Троцкого, Зиновьева, Бухарина уже возвратили старые названия.

В общем, идеологи Советского Союза переделывали, приспособливали идеологию к новым реалиям. Однако модернизировать её к началу войны в полной мере не удалось.

НАМ ОБЪЯВИЛИ, ЧТО НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Первой откликнулась на вселенскую беду Русская Православная церковь. Только отзвучала ошеломляющая всех речь В. М. Молотова о нападении Германии, как в Богоявленском (Елоховском) соборе местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей произнёс молитву в защиту православного русского народа.

Пока агитпроп отшелушивал лозунги и идеи III Интернационала, штаб которого был в Москве до 1943 г., для войны, И. Сталин, учившийся когда-то в православной гимназии, уловил изменившуюся глобальную, мировоззренческую суть войны и обратился к народу с неформальной задушевностью: “Братья и сестры! Соотечественники мои!” А закончил словами, которые уже были сказаны в храме народными пастырями: “Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!”

До победы было, правда, ещё очень и очень далеко, впереди были дороги отступления, миллионы жертв, тысячи сожжённых городов и деревень.

Однако стало ясно, что Слово выходит на первое место в душевном и духовном ободрении, в призыве, в разъяснении, в том, что было истиной, что порождало у бойца и труженика тыла самоотверженность, ограждало от паники, от бессилия, уныния.

Ну, а что литература? Поэзия, проза, публицистика? Было ли им место в строю, в бою, в рядах сражающихся?

В то время задачу можно было сформулировать просто: помогать фронту. Писатели слились с народной судьбой – ушли на фронт. В боях за Родину погибли более 300 членов Союза писателей СССР, десять из них получили звание Героя Советского Союза. Надо было проявить быструю реакцию, обратиться к чувству тысяч, миллионов людей. В первые же дни войны это удалось В. Лебедеву-Кумачу, автору песни “Священная война”. Казалось, откуда-то свыше появились эти чеканные, грозные и пророческие слова:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

И далее, как грозная молитва-заклинание в ответ на вероломство:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!*

Это ведь был новый язык, новый символ, это было раскрытие сути войны, её сакрального смысла.

А поэты в эти дни вооружали новыми и новыми песнями отправлявшихся на фронт красноармейцев. Звучала, как оберег, “Песня смелых” А. Суркова: “Смелого пуля боится, смелого штык не берёт”. М. Исаковский, подаривший уже всем нам, да и всему миру, “Катюшу”, написал с домашней, близкой каждому интонацией песню “До свиданья, города и хаты//Нас дорога дальняя зовёт.//Молодые, смелые ребята,// На заре уходим мы в поход...”

Народные ополчения, комсомольские отряды, регулярные части уходили на фронт с песней.

РОССИЯ

На той встрече с маршалом Г. К. Жуковым я подарил ему две книги: “Тихий Дон” и поэтическую антологию “О русская земля!”. Маршал погладил “Тихий Дон” и сказал: “Любимый писатель!” А полистав антологию, сказал: “Мы на фронте очень ценили патриотическую поэзию!” Вот так великий маршал включал поэзию в стратегический фактор Победы.

Фашистскую идею расового превосходства можно было победить только другой, высокой, вдохновенной, понятной для всех идеей. Такой была идея Родины, Союза.

Вдруг в полный рост вырисовывался образ России, высвечивалась необходимость воспитания национального самосознания, обобщения опыта великих побед и учительных поражений (“Слово о полку Игореве”, “Варяг”). Требовалось новое осмысление литературой и искусством всех национальных, культурных, государственных традиций. В. Вишневский в 1943 году записал в своём “Дневнике”: “В войне мы быстро познали себя с национальной стороны. Проснулись все чувства, мысли, инстинкты, воскресли старые традиции” (В. Вишневский, 1958 г., т. 4, стр. 28). По нынешним временам такой подход можно было бы упрекнуть в “нетолерантности” и даже ксенофобии. Тогда же это было спасенье для русских людей, для представителей всех национальностей. Ибо никто, кроме русского народа, не мог спасти мир от “коричневой чумы”.

Может быть, самое главное в советской русской литературе военных лет то, что она вывела из закоулков социалистического реализма, из пугливого забвения двадцатых и тридцатых годов — дух России. Она превратила его в фундамент идеологии, мировоззрения, художественной, образной системы поколения победителей. Она вселила в души и сердца понятие “Русский характер”. Драматический сентиментальный рассказ с этим названием Алексея Толстого стал известен везде, его и сегодня слушают молодые в притихшем зале. А прямая в названии и образах поэма “Россия” Александра Прокофьева создавала эпический и лирический образ великой страны. В поэме утверждались красота и бессмертие России. В огне и пламени войны, в привычном окружении смерти, когда душа, казалось, очерствела, огрубела, поэт предложил ключ:

*Товарищ, сегодня над нею
Закаты в дыму и крови,
Чтоб ненависть была сильнее,
Давай говорить о любви.*

Поэт создавал светлый, возвышенный образ Родины, и становилось ясно, что защищает в этой войне солдат.

*Сколько звёзд голубых, сколько синих,
Сколько ливней прошло, сколь гроз,
Соловиное горло — Россия,
Белоногие пущи берёз.
Да широкая русская песня,
Вдруг с каких-то дорожек и троп
Сразу брызнувшая в поднебесье
По-родному, по-русски — захлёб,
Да какой-нибудь старый шалашик,
Да задумчивой ивы печаль,
Да родимые матери наши,
С-под ладони глядящие вдаль,
Да простор вековечный, огромный,
Да гармоник размах шире плеч,
Да вагранка, да краны, да домны,
Да певучая русская речь.*

Симонов гордился тем, что на русской земле “Умереть мне завещаю, //Что русская мать нас на свет родила, //Что в бой провожая нас, русская женщина //По-русски три раза меня обняла”. Ольга Берггольц клялась: “Мы победим, клянусь тебе, Россия, от имени российских матерей”.

А в 1942 году Александр Прокофьев в стихотворении, посвящённом А. Фадееву, ещё раз напоминает:

*За красною шапкой рябины,
За каждым дремучим ручьём,
За каждой онежской былиной,
За всем, что мы русским зовём —
Родней всех встанут и красивей
Леса, и поля, и края...
Так это ж, товарищ, Россия —
Отчизна и слава твоя!*

О ГЕРОЯХ

Жесточайшей силы удар был нанесён в июне-июле 1941 года по Красной Армии и Советской стране. Британский разведкомитет прогнозировал, что сопротивление Советов продлится не больше трёх-шести недель. Министр США Г. Стивенсон полагал, что “с русскими будет покончено минимум в один, максимум два месяца”. Слегка отличалось мнение У. Черчилля: “Почти все авто-

ритетные военные специалисты полагали, что русские армии скоро потерпят поражение и будут в основном уничтожены. Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и Москва не будет взята. Замечательное мужество и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения". Так Черчилль увидел одну из причин того, что Гитлер не смог одержать молниеносную победу. Да, было много факторов, которые не позволили ему это сделать. Но один из важнейших – это то мужество, смелость и героизм нашего народа, который стал на пути бронированной, "цивилизованной" Европы.

Историки первых месяцев войны обращают внимание на отступление, гибель солдат. Казалось, сладить с победоносным врагом невозможно. Но ведь находились такие герои, которые поражали и уничтожали врага. И перед писателями вставала задача этого героя открыть, показать, восхититься им, вознести в ранг подлинного народного воина, справедливого и грозного мстителя.

Надо было сделать это убедительно, чётко, не плакатно, хотя и плакат был нужен.

В это время и начинают появляться очерки, брошюры о героях. Помню первую привезённую к нам в Сибирь в сентябре 1941 года книжечку и листовку о бессмертном лётчике Гастелло, направившем горящий самолёт в немецкую автоколонну. Его портрет долго висел у нас в классе.

В 70-х годах я выпускал книгу первого секретаря ЦК ВЛКСМ в годы войны Н. М. Михайлова. Он рассказывал, что И. Сталин вызвал его специально в Кремль и потребовал внимательно следить за подвигами комсомольцев, юношей и девушек и лично докладывать о них. Вот тогда-то появились брошюры-молнии, книжечки, листовки и плакаты о молодых героях войны.

Мы в школе знали о подвиге пятнадцатилетнего Леонида Голикова из книги Ю. Королькова "Партизан Лёня Голиков". Особо известен был подвиг комсомольца-подпольщика Саши Чекалина. Его именем назывались комсомольские смены, вахты. Саша Чекалин был схвачен фашистами и расстрелян. Ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Всей стране был известна деятельность "Молодой гвардии" из Краснодона. Вначале появились главы о юных подпольщиках, потом ставшая в 50–80-е годы настольной книга Александра Фадеева "Молодая гвардия". Недавно при нескольких опросах я убедился, что никто из нынешних молодых людей эту книгу не читал. Так вымываются из народного сознания герои и их подвиги. Эта массовая психологическая операция глубоко продумана и проводится уже немалое количество лет наследниками Геббельса, хотя они прикрываются листком демократии.

В грозном 1942 году один из самых маститых русских писателей Леонид Леонов создаёт очерк об отважном герое-партизане Владимире Куриленко, который у себя на Смоленщине организовал партизанский молодёжный отряд. В этом очерке, как и в других рассказах о героях той поры, раскрывалась природа их подвига. Они вводились в славную рать героев Отечества.

"Набатный колокол бьет на Руси, — начинается очерк. — Свириное лихо ползет по родной стране. Безмолвная пустыня остается позади него. Там кружит ворон, да скулит ветер, пропахший горечью пожарищ, да шарит по развалинам многорукий иноземный вор".

"... Навстречу врагу поднялись на борьбу наши славные юноши и девушки, об их подвигах узнает страна, и самый слух о них рождает все новых и новых героев". ... "Там, в аду несмолкающего боя, стоят они плотным строем, один к одному, как звенья в стальной кольчуге Невского Александра. Весь свет дивится ныне закалке и прочности этой брони, о которую разбиваются свирепые валы вражеского нашествия". К такой "человеческой стали" относился и Володя Куриленко. Леонов, чтобы вскрыть истоки рождения этой "стали" характера советского юноши, обращается к биографии его, которая во многом была похожей на биографии Зои Космодемьянской и Александра Матросова, Лизы Чайкиной и Юрия Смирнова, молодогвардейцев и многих известных и безвестных героев. "Рано закончилась юность у поколения русской молодежи времен Отечественной войны. Родина поставила их в самое горячее место боя и приказала стоять насмерть", — так завершался очерк Л. Леонова о Володе и его боевых товарищах.

Позднее, в письме "Неизвестному американскому другу", писатель развив эти мысли: "Наши юноши и девушки хотели прокладывать дороги, возво-

дять заводы и театры, проникать в тайны мироздания... Они мечтали о золотом веке мира... Их мечта разбилась под дубиной дикаря. Военная непогода заволочла безоблачное небо нашей Родины. В самое пекло войны была поставлена наша молодежь и даже там не утратила своей гордой и прекрасной веры в Человека.

Они-то крепко знают, что в этой схватке победит правда и добро. Орлиная русская слава парит над молодежью нашей страны. Какими великими оказались наши, вчера еще незаметные люди! Они возмужали за эти годы, страдания умножают мудрость. Они постигли необъятное значение этой воистину народной войны. Они дерутся за Родину так, как никто, нигде и никогда не дрался... Они ненавидят врага ненавистью, которой можно плавить сталь, – ненавистью, когда уже не чувствуется ни боль, ни лишения...” Даже сегодня ощущаешь живое чувство автора, которое согревает эту публицистику, а потому делает ее образцом художественного творчества.

Надо было дать услышать этих воинов, атакующих, сражающихся, погибающих. Вот короткая публицистическая зарисовка П. А. Павленко “Последнее слово”: “Боец морской пехоты, черноморский моряк, упал на поле атаки тяжелораненым. Осколок мины разворотил ему грудь, и смерть была от него не дальше, чем в десяти минутах. Но он все еще пытался встать, и из последних сил ему удалось приподнять туловище и оглядеться. Бой уходил от него. За дальней волной наступающих моряков связисты и саперы. Он не окликнул ни тех, ни других. Но когда заметил кинооператора, позвал его. Тот подбежал, хлопая себя по карманам: искал индивидуальный пакет. Но раненый махнул рукой: не то.

– Сыми меня! – крикнул он. – Умру, так ничего и не выскажу! Сыми!

– Есть снять!

Кинооператор уставил на умирающего свой аппарат. А тот поднял вверх окровавленную, дрожащую от напряжения руку и громким, страшным – точно звал всю свою роту – голосом прокричал в объектив:

– Ребята! Не жалейте себя! Надо же понимать!

Глаша! Не жалея меня!

Деточки мои, помните...

И только тут понял кинооператор, что моряк хотел не фотографии, а звука. Он хотел быть услышанным. Пусть так и будет, как он хотел. Воля его священна”.

Вспомнив про этого героя-моряка из “Последнего слова”, Александр Кривицкий обобщил изображенное Павленко: “Умирая, он хотел быть услышанным! И он услышан. В тысячах сказаний, песен, романов и очерков скорбящий и благородный народ увековечил память погибших сынов Родины – героев войны”.

В одном из выступлений А. Твардовский сказал, что действительность, даже героическая действительность, нуждается в подтверждении и закреплении искусством, “без этого она как бы ещё не совсем полна и не может с полной силой воздействовать на сознание людей. То же самое можно сказать о литературе, которую вызвал к жизни беспримерный подвиг советских народов в Отечественной войне 1941–45 гг. Он подтверждён в нашем сознании, в том числе в сознании самых непосредственных носителей этого подвига, средствами правдивого слова”.

Литература и искусство выступили тогда как хранители памяти поколений, особенно это проявилось в произведениях, запечатлевших героические страницы жизни народа. Думаю, что это была величайшая связь литературы с народом. Писатели утвердили тогда своё право говорить от имени народа, от имени Родины. И мы можем и должны обратиться к произведениям тех лет.

НАУКА НЕНАВИСТИ

“Науку ненависти”, которую представил Шолохов в 1941–43 гг., продолжали разрабатывать все писатели. Это ныне за столом симпозиумов и конференций можно говорить о недостаточном гуманизме по отношению к врагу, а в 41-м году вопрос стоял о жизни – и государства в целом, и отдельного человека. Надо было не только остановить врага, но и уничтожить его. Понятия

“немец” и “фашист” очень скоро слились в одно целое. Германия становилась очагом, откуда ползла смерть.

Толстой в статье “Родина” писал: “Немецкие солдаты так же обезличены, потрёпаны и грязны, как бумажные деньги в руках аферистов и прочей международной сволочи. Они жестоки и распущенны, потому что в них вытравлено всё человеческое... Германия только фабрика военных машин и место формирования пушечного мяса: впереди – смерть, позади – террор и чудовищный обман” (А. Толстой. Публицистика, с. 671).

А. Сурков отметил: “Только обмолвись словом “немец”, как все сразу начинают раскрывать страшное, ещё год назад казавшееся невероятным” (А. Сурков. “Земля под пеплом”). Ярким выражением этой тенденции стала фраза И. Эренбурга “Убей немца!”, ставшая лозунгом войны. Он писал: “Мы поняли: немцы – не люди. Отныне слово “немец” разряжает ружьё. Не будем говорить, не будем возмущаться – будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты убил одного немца – убей другого. Нет для нас ничего веселее немецких трупов... Убей немца! – это просит старуха-мать. Убей немца, – молит тебя дитя. Убей немца, – кричит родная земля” (И. Эренбург. “Убей”).

Откуда эта ненависть? На этот вопрос отвечает А. Толстой: “Эти люди намерены нас победить, бросить себе под ноги, наступить сапогом на шею, нашу Родину назвать Германией, изгнать нас из земли “отчич” и “дедич”... А что такое фашист, мы узнали, все они детоубийцы, растлители, мародёры, надменные дураки, связавшие себя с Гитлером круговой порукой страшного преступления, разумного и доброго в них нет, а есть зло, они сознательно хотят делать злое” (А. Толстой. “Родина”).

Чувство ненависти к врагу прирастало с каждым новым убитым человеком, с каждым сожжённым селом, с каждым разбомблённым городом, с каждым погибшим ребёнком, с каждой жертвой насилия. Враг стал не противником, а убийцей. И поэтические строки приобретали форму приказа. Вот напечатанные во многих газетах, на листовках, плакатах стихи Константина Симонова:

*Если ты фашисту с ружьём
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Всё, что родиной мы зовём, —
Знай, никто её не спасёт,
Если ты её не спасёшь,
Знай: никто его не убьёт,
Если ты его не убьёшь.*

Да, надо было спасать страну, сражаясь с завоевателями.

В 1999 году делегация Союза писателей России была в Белоруссии. С нами был писатель Владимир Карпов, Герой Советского Союза, бесстрашно сражавшийся в этих краях и захвачивший в плен 74 “языка”. В университете города Витебска, куда Карпов ходил на задания во время войны как разведчик, был задан вопрос: “А какие чувства испытывали Вы, когда убивали человека?” Карпов побелел и резко ответил: “Я не убивал ни одного человека, я убивал недочеловеков. Я видел, как они насильовали девушек, как разбивали головы младенцев... А Вы говорите о человеке?”

Наверное, об этом и известные стихи Алексея Суркова, написанные в начале войны:

*Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьём он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех людей, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?*

Нынче находятся такие (и добро бы только на Западе!), кто привыкли считать Россию жестокой, её царей ужасными (Иван Террибль, то бишь Иван

Грозный), забывая, как уничтожались “цивилизациями” целые народы и нации (индейцы США, славяне Пруссии, народы майя, инки, ацтеки, рабы Африки и т. д.). Но ведь и наши либералы-гуманисты ну никак не вспомнят перед 70-летием начала войны, что немецко-фашистские войки сожгли 1710 городов, более 70 тысяч сёл и деревень (!), уничтожили 6 миллионов зданий.

Лишились крова 25 миллионов человек, было уничтожено и разрушено 31850 промышленных предприятий. Почти 17 (!) миллионов человек, наших граждан, погибли от бомбардировок городов и сёл, на дорогах эвакуации, мирные люди были уничтожены в концлагерях, в немецком плену, погибли от рабского труда на территории Германии. Это был самый массовый геноцид в истории, большинство погибших были русские люди. И поэтому столь суровым и гневным было Слово писателей страны и столь необходимо было оно.

Герой Шолохова лейтенант Герасимов говорит от себя: “Тяжко я ненавижу фашистов за всё, что причинили они моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас драться с таким ожесточением. Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на всё, что творили фашисты, да иначе и не могло быть. Именно эти два чувства, воплощённые в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть к врагу всегда мы носим на кончиках штыков” (“Наука ненависти”).

“ГОСПОДЬ ВАС СПАСИ...”

И ещё главное, что вошло в жизнь всей страны. В 1941 году совершился великий поворот к Вере, к Богу, к душе.

И Русская Православная Церковь проявила себя в эти грозные дни как духовный поводырь народа, с первых часов нашла точные и верные слова, обращённые к соотечественникам.

Ей не надо было подыскивать эти слова и призывы – они шли из Евангелия, из храма, из русской истории. 22 июня 1941 года по церковному календарю День всех святых в Земле российской просиявших. В Богоявленском соборе отслужили литургию. И вот война! Как только прозвучало выступление наркома иностранных дел В. М. Молотова, пришедший с богослужения местоблюститель митрополит Сергей стал рассылать послание “Пастырям и пасомым христианской православной церкви”.

“... Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православно-христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием, принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству”.

Митрополит в этом первом послании Церкви как бы стягивает, сшивает историю нашего народа. “Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьего помощью и на сей раз он развеет фашистскую вражью силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что молили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы, православные, родные им по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послушать отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может”.

Ошеломляющими для прежнего агитпропа явились слова:

“Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатыре Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

... Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: “Больше сея любви ничтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя”. Душу

свою положит не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой или выгодой ради Родины”. Сергей далее говорил, что “негоже пастырям лишь посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией”. И уж если найдутся те, кто искусится “лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно ради Иисуса, а не ради хлеба куса, как выразился Дмитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой”.

Послание заканчивалось торжественно, высоко, жертвенно:

“Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу”.

Потрясающий документ. То, о чем сказал Сталин 3 июля, а затем 7 ноября 1941 года, то, о чем сначала робко, а затем более решительно заявляла советская пропаганда, да и наша литература, патриарший местоблюститель написал в первые часы войны. Ведь еще не появились ни листовки, ни плакаты, призывающие к борьбе. Боевой агитпроп еще в раздумье смотрел на свои прежние лозунги о классовой солидарности и соединении пролетариев всех стран, а церковь уже определила лицо врага, указала на истоки грядущей победы, на перерастание народной войны в священную.

Через три дня, 26 июня, митрополит Сергей в Богоявленском соборе совершает торжественный молебен о победе русского воинства. Один из присутствовавших вспоминал слова митрополита, произнесенные во время молебствия: “Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной”.

Перед лицом национальной опасности церковь призвала к национальному единению, к борьбе с захватчиками, агрессорами, оккупантами. Во всех православных храмах России, всего Советского Союза молились о победе русского народа. И сотни тысяч православных людей дерзали и стояли на смерть, ожидая спасения от Господа. В Петербурге до сих пор показывают два узеньких окошка кельи, где во время ленинградской блокады жил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, будущий Патриарх всея Руси. В осажденном – голодном и холодном – городе в храмах горели свечи, люди молились. Митрополит ежедневно совершал молебны святителю Николаю, обходил с иконой Божьей Матери крестными ходами храмы и молился “о спасении града и храма сего”.

Незабываемо яркое слово было сказано митрополитом Ленинградским Алексием на литургии в кафедральном Богоявленском соборе в Москве 10 июля 1941 года. Слово будущего патриарха я бы сегодня поместил в хрестоматии для учеников. Владыка Алексей начал так:

“Патриотизм русского человека ведом всему миру. По особенным свойствам русского народа он носит особый характер самой глубокой, горячей любви к своей родине. Эту любовь можно сравнить только с любовью к матери, с самой нежной заботой о ней. Кажется, ни на одном языке рядом со словом “родина” не поставлено слово “мать”, как у нас. Мы говорим не просто родина, но мать-родина, и как много глубокого смысла в этом сочетании двух самых дорогих для человека слов! Русский человек бесконечно привязан к своему отечеству, которое для него дороже всех стран мира”.

Алексий продолжил: “И теперь русский народ в беспрецедентном единстве и с исключительным порывом патриотизма борется против сильного врага, мечтающего раздать весь мир и варварски сметающего на своем пути всё то ценное, что создал мир за века прогрессивной работы всего человечества. Борьба эта не только борьба за свою родину, находящуюся в великой опасности, но, можно сказать, за весь цивилизованный мир, над которым занесен меч разрушения”.

Вот как! Иерархи гонимой и притесняемой православной церкви видели, что Советская Россия, Советский Союз спасет мир и человеческую цивилизацию, а нынешние “цивилизаторы”, десталинизаторы, стремясь облить грязью Россию, ее прошлое, приравнивают в войне фашистскую Германию и СССР с одной целью: оправдать разрушение и уничтожение великой страны.

По призыву церкви стали собираться средства в помощь стране и армии на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского. К празднику Красной Армии храмы Москвы выделили 1,5 миллиона рублей на подарки воинам. Троицкая община в Горьком собрала в фонд обороны миллионы рублей и много теплых вещей. Митрополит Сергей написал на этом сообщении: “Браво, Нижний Новгород. Не посрамил мининскую память”.

Священнослужителей в те годы можно было увидеть на подготовке рубежей обороны. При храмах создавались санитарные пункты и убежища для престарелых и для бесприютных детей. Многие священники помогали партизанам, несли слово правды верующим.

В осадные октябрьские дни 1941 года митрополит Сергей обращается к московской пастве: “Не первый раз русский народ переживает иноплеменных, не первый раз ему принимать и огненное крещение для спасения родной земли! Силен враг, но и “Велик Бог земли русской” – так воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством. Господь даст, придется повторить этот возглас теперешнему нашему врагу”.

Кстати, отвечая тогда на вопросы иностранных корреспондентов, Сергей сказал: “Коммунистическая партия отрицательно относится к религии, и мы сожалеем об этом”. Это было неслыханно – выразить несогласие с позицией и политикой могущественной партии! Это была твердость, с которой стали считать (конечно, не всегда и не на долгий период).

Писатель Владимир Крупин в очерке “Без Бога ни до порога” пишет об этих днях: “Но разве не Господь сохранил среди превращенного в руины Сталинграда единственное здание – церковь Казанской Божией Матери с приделом в память преподобного Сергия Радонежского. Также и в Старой Руссе: город в развалинах – храмы стоят. В блокадном Ленинграде устояли все храмы... Старец Троице-Сергиевой лавры Кирилл, бывший легендарный сержант Павлов, рассказывал нам, как много бойцов в тяжелые минуты приходили к Господу, как многие, особенно в Курской битве, видели над войсками небесное воинство”.

Церковь и народ были едины в горе и борьбе в Великой Отечественной войне. Это прекрасно поняли и Сталин и часть его окружения. В 1943 году, наконец, был снова избран Патриарх Московский и всея Руси, вышел “Журнал Московской Патриархии”, было объявлено об открытии духовной семинарии и монастырей... Устанавливались – через Совет по делам русской православной церкви – новые отношения церкви и государства.

Новые настроения отразились и в литературе. Да, напрямую писатели о Боге, о вере ещё не писали, но перемену в отношении к религии запечатали. Вот рассказ “Крестик”, который написал основательный, серьёзный русский писатель И. С. Соколов-Микитов.

“У нас в дивизионе был один паренёк, младший сержант Петрушкин – отличный боец. Много раз его представляли к наградам. С этим парнем вышло на фронте такое. Пошли раз солдаты в баню. Разделся Петрушкин – товарищи смотрят: у него на шее крестик. Ну, знаете, обыкновенный крестик на шнурочке, как раньше носили. Подняли ребята Петрушкина на смех. А ты, комсомолец, Боженьке молишься. Он им что-то дерзкое в ответ. Ну, сгоряча ребята за него взялись – народ на фронте злой был. Затужил паренёк. Ходит злобный, повесивший нос. Призываю, спрашиваю: “Что невесёлый ходишь, Петрушкин? О чём думаешь? Письма из дома получаешь? – Получаю письма. – А вестя у тебя есть? – Есть, – говорит. – Пишет? – Пишет – Покажи письма.

Прочитал, вижу, всё в полном порядке.

– Что, говорю, с тобой поделалось, боец, объясни.

– Не могу объяснить, товарищ майор. (...)

– Слушай, Петрушкин, откуда у тебя крестик взялся? Ты верующий? Не стесняйся. – Нет, я не верующий, я комсомолец. – Ну, а крестик у тебя? – Молчит. – Говори, не бойся.

Вот и рассказал он мне, что крестик подарила ему мать, когда он из дома уходил на фронт. Сама повесила на шею, просила не снимать, слово взяла. Из любви к матери носит он этот крестик. Подумал я и говорю:

– С тобой крестик? – Нет, я спрятал. – Можешь ты этот крестик на два часа мне предоставить... – Молчит. Потом принёс материнский подарок.

Приказал построить моё подразделение. Выхожу, поздоровался, вынимаю из кармана крестик. Вижу: кое-кто из солдат ухмыляется – поняли, в чём дело. Я сделал лицо строгое.

– Вот что, говорю, товарищи-солдаты. У каждого из нас на родине осталась мать. Вспомните, как вы прощались с матерями, когда уходили на войну из родного дома. Одна мать родной земли сыну в платочек завяжет, другая – записочку в рубаху зашьёт. Вот младшему сержанту Петрушкину старуха-мать на память о своей материнской любви подарила этот крестик – то, что ей самой всего дороже. Он и берёт дорогую для него память о своей матери. А матери наши – наша любовь, наша родная земля, наша Родина, которую мы защищаем. Можно ли над этим смеяться?

Вижу, призадумались мои ребятаки. Вижу, на Петрушкина поглядывают.

– Ну, как, – спрашиваю, – дошло?

– Точно, – говорят, – товарищ майор, дошло.

Вернул я крестик Петрушкину – тем и окончилась вся история. А Петрушкин опять стал лучшим и самым храбрым солдатом”.

Известно, что маршал Жуков (об этом писала дочь Георгия Константиновича Мария) однажды урезонивал ретивого политрука, ругавшего солдата, у которого на бруствере стояла иконка: “Дурак ты, дурак, политрук. Она ему дорогá!”.

Об этом же рассказывал после войны участник Сталинградской битвы Василий Грязнов. Он вспоминал, как в окопах Сталинграда к ним пришёл Шолохов. Идёт он по ходу сообщения и, нет-нет, выглянет, посмотрит в бинокль в сторону фашистов. А кто-то из солдат и говорит: “С биноклем, товарищ полковник, поосторожнее. У немцев снайперы начеку”. Шолохов улынулся в ответ: “Благодарю за упреждение, но я снайперов не боюсь. Заговорённый я, брат, от пули”. Ну, солдаты нашего окопа окружили его. Все сразу узнали в полковнике Шолохова. Я говорю ему: “Может, Вы, Михаил Александрович, и молитву какую от пули знаете?” “Знаю”, – отвечает Шолохов, – и те молитвы, что имеются в “Тихом Доне”, и новые. Много знаю молитв, но сейчас у меня на уме и в сердце одна. Начинается она так: “Во имя отца, и сына, и матери моей – ни шагу назад” (М. Шолохов. Собр. соч., том 8, стр. 112).

В леоновском “Нашествии”, в платоновских рассказах, в книге про бойца Василия Тёркина тип поведения героев был вековечный, христианский и отнюдь не противостоял тому героическому духу, который взращивался социалистическим обществом (Господь спасал Россию).

У того же А. Платонова, который в 1942 году добровольцем ушёл в армию, а затем был откомандирован в “Красную звезду”, одними из употребляемых слов были “одухотворённый”, “дух” и “душа”. Платонов вводил, по существу, понятия “духовная память народа”, которая несла в себе как историческую, так и память сердца и души.

“Ничего не совершается без подготовленности в душе, особенно на войне, – писал Платонов в очерке “О советском солдате” (“Три солдата”). – Отсюда его дух. А у пришельцев, явившихся на нашу землю грабить, жечь, уничтожать всё живое, – пустодушие. И поэтому война – это сражение “одухотворённых людей” с “неодушевлённым врагом”.

Поразительно точное определение сути борьбы русских людей с фашистскими захватчиками!

“ПУСТЬ ВДОХНОВЛЯЕТ ВАС ОБРАЗ ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ...”

Уже до войны прорывались в общество, к читателю, выстроились в оборонный ряд и охоронную дружину Александр Невский и Суворов, Кутузов и Нахимов. Спрос на историческую литературу, на рассказ, на очерк о великих сынах России рос день ото дня.

Глубинная история и события Отечественной войны перекликались. Автор известных романов “Чингисхан” и вышедшего в 1942 году “Батый” В. Г. Ян в газете “Литература и искусство” (15 мая 1943 г.) сформулировал задачу перед авторами таких произведений: “исторический роман, прежде всего, должен быть учителем героики”.

Очень современно прозвучал роман С. Н. Голубова “Багратион”. Он проводил читателя по полям сражений начала XIX века, показал великое сражение при Бородино, беззаветность русского воина и русского полководца. А то, что Багратион был русский полководец, никто не сомневался, как русскими пол-

ководцами были в те годы К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян, Р. Малиновский, да и сам Сталин не претендовал на звание грузинского военачальника.

Может быть, не все черты и достоинства великого полководца показал Л. Раковский в своём романе “Генералиссимус Суворов”, но его бесстрашие, любовь к солдатам, победоносность там были ярко явлены.

Как бы предвосхищая свершение исторической справедливости, А. Степанов переработал и издал в 1944 году написанные ещё до войны 1-ю и 2-ю книги романа “Порт-Артур”. Это была книга о самоотверженных, благородных офицерах, людях чести и долга, о великих тружениках войны – русских солдатах.

В 1941 г. были изданы книги документов и материалов о войне нашего народа с врагами. Вот только книги того периода, что выписаны из абонементов Томской библиотеки:

– Отечественная война против германских оккупантов в 1918 г. Гослитиздат. 1941 г.

– Отечественная война 1812 г. Сб. документов и материалов. Ин-т истории. Изд. АН. 1941.

– Тарле Е. Отечественная война 1812 г. Разгром империи Наполеона. Госполитиздат. 1941. 110 тыс. экз.

– Шугрин М. Славные страницы истории русского народа: борьба с немцами захватчиками. Новосибирск. 1941. 10 тыс. экз.

– Бахрушин С. Иван Грозный. Госполитиздат. 1942. 50 тыс. экз.

– Брагин М. Фельдмаршал Кутузов. Детгиз. 1942. 25 тыс. экз.

– Воины русского народа 1858–1878 гг. Библиографический указатель. Книжная палата. 1942 г.

– Корнейчук А. Фронт. Пьеса. Искусство. 1942. 20 тыс. экз.

– Лесков Н. Рассказы. Детгиз. 1942. 50 тыс. экз.

– Мавродин В. Брусилов. ОГИЗ. Госполитиздат. 1942. 50 тыс. экз.

– Отечественная война 1812 г. Сб. стихов. 1942. 100 тыс. экз.

– Рожкова. Денис Давыдов. Партизан 1812. 1942. 200 тыс. экз.

– Сибиряки на фронте. Сб. очерков, стихов. ОГИЗ. 1942.

– Симонов К. От Чёрного до Баренцева моря. 1942. 25 тыс. экз.

– Симонов К. Русские люди. Пьеса в 3-х действиях. Искусство. 1942 г. 20 тыс. экз.

– Тарле Е. Наполеон. ОГИЗ. 1942. 50 тыс. экз.

– Ярошевский Э. Александр Невский. ОГИЗ. Новосибирск. 1942. 20 тыс. экз.

Уже в 1943 году вышли очерки “Герои Краснодона” в “Правде” тиражом 100 тыс. экз. Стала выходить серия “Великие борцы за русскую землю”: Данилевский “Александр Невский” (250 тыс. экз.), Осипов К. “Адмирал Макаров” (23 тыс. экз.), Пигарев К. “Солдат-полководец. Очерки о Суворове” (100 тыс. экз.).

В 1944 г. вышли книги о Кузьме Минине Данилевского (200 тыс. экз.), книга Н. Коробкова о фельдмаршале Румянцеве-Задунайском.

Все исторические издания того времени были, конечно, книгами об Отечестве, о народной силе, о служении России, даже если они были о царях или великих полководцах.

Алексей Толстой выпустил блестящую по слогу и слову книгу о Петре I, где император предстаёт как государственный деятель, заботящийся о державе, подбирающий верных соратников по государственным делам, живой, импульсивный, стремящийся к победам человек. Конечно, в этом случае были и параллели с руководителями страны. Но это уже зависело от фантазии и образованности читателя как хранителя исторической памяти.

Борцом за русский язык был Алексей Югов. В годы войны вышел его роман “Даниил Галицкий”. Казалось, к чему эти далёкие сопоставления? Нет, во всём был смысл. Советская Армия двигалась по древним славянским землям, где удерживал западные границы славянства Даниил Галицкий, гордо стоял и против немецкого нашествия.

Помню, как в апреле 1941 года стремительно вошла в наш первый класс учительница и сказала: “Дети, у нас сегодня победа! Ура! Да нет, ребята, это семьсот лет назад Александр Невский разбил немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера!”. На доске она написала: “Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет”. Так в наше сознание входила история. Показательно, что

книги, брошюры об Александре Невском, русском святом князе, в годы войны были опубликованы в количестве более миллиона экземпляров.

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Заканчивалась война. Всё естественнее звучал колокол победы. Литература вышла на небывалую живительную высоту правды, героических, драматических, трагических человеческих обобщений.

Великий Михаил Исаковский чувствовал горечь победы, знал её великую цену. Сколько погибло солдат на его родной Смоленщине! А сколько сожжено сёл и деревень, уничтожено мирных жителей, женщин, стариков, детей!

Мы помним Бухенвальд, а кто вспомнит русские Ивановки, Николаевки? Где им памятник? Где правозащитники? Как умело и тихо забыла Европа, да и наша доперестроечная и перестроечная власть о 17 миллионах погибших мирных жителей. Не о 9 миллионах бойцов идёт речь, те ведь погибли в боях, сражениях, концлагерях, а эти под бомбами, в пожарах, при массовых расстрелах, насилиях, на немецких заводах и полях. Ну, как же не забыть Европе, развязавшей войну, вооружившей Гитлера, толкнувшей его на Восток, свою вину. Как не переложить её на двух “тиранов”, якобы стоивших друг друга! Ух, как бросились поддерживать этот тезис наши либералы, ведь им за это что-то перепадёт с барского стола толстосумов Запада. И не заболит у них сердце о 17 миллионах погибших от врага наших мирных людей. А у Исаковского душа изболелась, в конце войны он сердцем пишет народный реквием, великую печальную, сжимающую горло песню-плач “Враги сожгли родную хату”, каждый куплет которой — глыба памяти и боли.

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?
Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.
Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: “Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.*

Боже мой! Какая горестная картина встречи.

*Готов для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...”*

Подлинно эпической картиной заканчивается баллада:

*Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.
Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
“Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...”
Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

Вот он, былинный русский богатырь, прошедший с боями всю Европу, отмеченный скромной наградой и отстоявший Родину, которая вся сожжена и испепелена.

У ВОЙНЫ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Да, у войны и женское лицо. Правда, сказать об их подвиге у литераторы в полной мере не было ни сил, ни времени. Фронтовые писатели были там, на передовой. Это уже после войны Фёдор Абрамов в “Пряслиных”, Валентин Распутин в “Живи и помни”, Анатолий Иванов в “Тени исчезают в полдень” покажут невероятный, тяжёлый, спасительный для страны женский труд в тылу. А тогда и сами женщины-поэтессы славили бойца, пророчили победу. Вызывает восхищение подвиг ленинградки Ольги Берггольц. В осаждённом городе она написала свои лучшие, пульсирующие сердечной болью поэмы “Февральский дневник”, “Ленинградская поэма”:

*Был день как день,
Ко мне пришла подруга,
Не плача рассказала, что вчера
Единственного схоронила друга,
И мы молчали с нею до утра.
Какие ж я могла найти слова?
Я тоже ленинградская вдова.
Мы съели хлеб, что был отложен на день,
В один платок закутавшись вдвоём,
И тихо-тихо стало в Ленинграде,
Один, стуча, трудился метроном.
...Когда немного посветлело небо,
Мы вместе вышли за водой и хлебом
И услышали дальней канонады
Рыдающий, тяжёлый, мерный гул:
То армия рвала кольцо блокады,
Вела огонь по нашему врагу.*

Великие слова Ольги Берггольц “Никто не забыт – ничто не забыто” ныне высечены на многих могилах.

Но не забыты ли? Не забываются ли жертвы и победы?

А рядом великая Анна Ахматова, за которую боролись многие “литературные круги”, а она не принадлежала никому, она принадлежала России. В Союзе писателей России (Комсомольский проспект, 13) есть скромная (может быть, чересчур скромная) мемориальная доска писателям-фронтовикам, писателям-воинам, и там знаменитое, поистине мемориальное стихотворение Ахматовой “Мужество”: “Час мужества пробил на наших часах и мужество нас не покинет”. И как великое завещание: “И мы сохраним тебя, Русская речь, // Великое русское слово”.

Ну и, конечно, памятен был в военные годы “Пулковский меридиан” Веры Инбер, стихи Маргариты Алигер.

Женщины держали на своих плечах, руках и слезах весь тыл. Они убирали урожай, собирали автоматы, закручивали стабилизаторы у мин, строили, возводили эвакуированные предприятия. Помню, отец говорил: “Войну в тылу женщины выиграли”.

... В июле 1941 года отец, работавший секретарём Марьяновского сельского райкома партии, попросился добровольцем на фронт, ему строго сказали: “Убери урожай, прими эвакуированных с Украины, наладь на станции встречу и еду для едущих на фронт красноармейцев Сибири”. Отец всё это сделал (даже я, первоклассник, помню, как мы выносили к поезду варёную картошку, яйца, лук и яблоки). Урожай был убран отменный. Молодцы марьяновцы! Но вдруг грянул гром. Представитель ГКО (Государственного Комитета Оборона), строгого и требовательного чрезвычайного органа власти, обнаружил, что в закромах колхозов и совхозов осталось зерно. “Семенной фонд — это священное для колхозов”, — объяснил отец. “Святое — сдать до

зёрнышка”, – заявил представитель ГКО. “К расстрелу!” Арест и ожидание приговора. В это время из Таганрога перемещалось авиационное училище – надо было готовить лётчиков для фронта. В Марьяновке была степь, там и решили построить аэродром. Секретарь обкома обратился к представителю ГКО: пусть Ганичев построит, он всё и всех в районе знает, а потом разберёмся. Отца выпустили, он и построил аэродром через месяц. Строгий выговор, предупреждение, а на следующий год в районе самый высокий урожай по Сибири (сработал семенной фонд). Отцу дали орден Трудового Красного Знамени. Так вот: от расстрела – к ордену.

Бывали и курьёзные случаи: когда строили аэродром, отец, проверяя качество укладки алюминиевых полос, услышал, как две женщины, разбивая ломом смёрзшуюся землю, говорили о войне. Одна сказала: “Ну, прёт и прёт Гитлер, скоро и к нам дойдёт”. Другая, с ожесточением опуская лом, ответила: “Ну, допрёт, тогда мы ему ноги-то из ж... повыдёргиваем”. Отец подошёл, сказал: “Спасибо, женщины, за боевой дух. Давайте-ка я вам выпишу по дополнительной пайке хлеба”. Женщины отказались: “Ты, командир (отец был в военной форме), отдай-ка вон лётчикам, пусть не отощают перед полётами”...

В Омске в прошлом году поставили необычный и величественный памятник, скорее мемориал “Труженикам тыла”. Девять символических фигур. Так вот, в этом памятнике женщины составляют большинство: мать с ребёнком, крестьянка с серпом, медсестра, женщина с рабочим (в годы войны половина населения работала на заводах и предприятиях), девочка с колосками. Белые крылья – консоль – обрамляют памятник. Это незримая связь тех, кто ушёл на фронт, с теми, кто послал их. Это памятник женскому лицу войны.

Артиллеристы, Сталин дал приказ

Ну, конечно, не обойти роль и место Сталина в литературе военной поры.

В прошлом году на парламентской встрече в Костроме, посвященной патристическому воспитанию, сбережению памятников истории, 65-летию Победы, которую вёл председатель Совета Федерации С. Миронов, выступил директор Института военной истории, доктор исторических наук, генерал Махмуд Ахметович Гареев. Он, в частности, сказал, что вот поднимается вопрос, чтобы на 9 Мая не было нескольких исторических стендов с портретами И. В. Сталина, что мы выиграли Великую Отечественную войну вопреки Сталину. “Такого ещё в истории не было, – сказал боевой генерал, – чтобы войну выигрывала армия и страна вопреки своему главнокомандующему. Если такое возможно и страна может без руководства обходиться, зачем сегодня у нас два руководителя?” Зал засмеялся и поаплодировал генеральской иронии. Ясно, что не под дулом пистолета “вальтер” писались песни и стихи о Сталине, хотя многим, особенно в начале войны, было горько и обидно: просмотрели, проморгали, не подготовились.

У Ивана Стаднюка в книге “Война” при описании первых действий высшего руководства есть сцена, когда члены Политбюро пришли в здание Генштаба (на Знаменке, где он и нынче). Сталин стал жёстко распекал Жукова и Тимошенко за поражения. Жуков не менее жёстко ответил и вышел из кабинета. Сталин бросил Берии: “Пойди, посмотри, чтобы не натворил чего-нибудь”. Как понимать эту сцену? Мог ли Жуков застрелиться? Или отдал бы приказ охране арестовать Сталина, считая его виновником первых поражений? Я расспрашивал у Стаднюка, он многозначительно молчал: “Потом узнаешь”. Спросил у Чуйкова, который был тогда советником в Китае, тот пожал плечами: “Навряд ли”. Адмирал Н. Г. Кузнецов, с которым я подолгу беседовал на больших прогулках в садике на улице Грановского, считал (я знал, что у них с Жуковым были нелады): “Георгий всё может с его характером”. Николай Николаевич Яковлев, замечательный историк, сын опального при Сталине маршала Яковлева, раскрывший впервые у нас в советское время роль масонов в февральской и октябрьской революциях (книга “1 августа 1914 года”), твёрдо сказал, что не мог Жуков этого сделать, ибо генералы, хотя и были недовольны политиками, не давшими им, как считали военные, всесторонне подготовиться к войне, считали Сталина безусловной государственной фигурой, лишившись которой в начале войны руководство страны показало бы, что вверху разлад, и фактически проложило бы путь к капитуляции.

Думаю, те, кто восторженно писал о Сталине, были искренни. Замечательный писатель, моряк Михаил Годенко, написавший легендарную книгу “Минное поле” о переходе нашего флота из Таллина в Кронштадт, сказал мне однажды: “Знаешь, мы, моряки, когда шли в атаку, не кричали “За Родину!” “За Сталина!” – больше ругались. Но скажи нам кто тогда, что из-за Сталина мы терпим поражения, мы бы того пристрелили как геббельсовского пособника”.

Вот никак С. Куняеву не удаётся выпустить книгу поэтических произведений о Сталине, написанных в предвоенные и военные годы: В числе авторов Б. Пастернак, К. Симонов, М. Рильский, Я. Колас, М. Шолохов, Л. Леонов, К. Федин, Б. Полевой, О. Гончар, М. Исаковский, А. Твардовский, А. Сурков, А. Софронов, И. Эренбург, М. Алигер, В. Инбер, А. Толстой, Вс. Иванов, А. Бирюков, П. Павленко, П. Антокольский, А. Яшин, В. Лебедев-Кумач, П. Тычина, А. Ахматова, П. Сосюра, Эм. Казакевич, А. Фадеев, Н. Тихонов, да и все остальные советские писатели – те, кто воспевал победу, славил советского солдата, испепелял фашизм. Ныне по требованию фальсификаторов они могут быть изгнаны из нашей истории, из литературы во имя “защиты прав человека”, причём очень богатого, олигархического человека из Нью-Йорка, Лондона, Тель-Авива, да и нашего – с Рублёвки.

Какие слова тогда следовало бы поставить в песню, которую пела армия:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину —
Огонь! Огонь!*

(автор слов В. Гусев)

Народ, генералы, солдаты, поэты поверили Главнокомандующему. Правда, впереди ещё были многие послевоенные годы со своими оценками, с драматическими фактами. Но это не отменяет роль Главнокомандующего в победе. Кесарю – кесарево. Богу – Богово.

И ещё два факта нашей и мировой истории.

В конце 1943 года на слова С. В. Михалкова и Г. Эль-Регистана (музыка А. В. Александрова) был создан Гимн Советского Союза. Позднее из этого текста очень тяжело было выбросить исторически точные и закономерные слова.

*Союз нерушимый Республик Свободных
Сплотила навеки Великая Русь...*

Ныне остались тоже чеканные строчки:

Россия — великая наша держава...

А вот такие, казавшиеся незыблемыми, слова:

*Нас вырастил Сталин
На верность народу.
На труд и на подвиги
Нас вдохновил*

– исторически испарились, но двадцать лет страна вставала под эти стихи. Меняются взгляды, и какой гимн будет у нашей страны через 20 лет, можно только догадываться.

А вот пример зарубежной истории. После разгрома Наполеона Бонапарта в Европе не было более бранного слова, чем слово Наполеон. Его именовали: тиран, деспот, узурпатор. В каждой стране добавлялись свои отрицательные дополнения. России было что добавить в адрес грабителя, оккупанта, поджигателя не только Москвы, но ещё и сотен русских городов и деревень. Франция не скупилась на уничижительные эпитеты, ибо этот узурпатор принёс ей

неисчислимы бедствия, почти уничтожил всю старую роялистскую элиту, духовенство, раздавил церковь, погубил самую сильную и здоровую часть французских мужчин. По некоторым сведениям, рост французов после наполеоновских войн понизился на 15 сантиметров. Вот уж деспот так деспот. Французы попытались устроить свою жизнь по-старому: вернули королевскую династию Бурбонов. Те оказались не способны наладить жизнь в стране: в историю вошла знаменитая фраза, которая характеризует многих реваншистов: “Они ничего не забыли и ничему не научились”. Затем появились новоиспечённые короли. Но их смели революции. Возникла республика.

И о чудо: слава Наполеона во Франции возродилась! По указанию короля Луи Филиппа, под влиянием общества и бонапартистов останки Наполеона в 1840 году привезли с острова Святой Елены, где он отбывал наказание за свои злодеяния и умер. Были изданы десятки хвалебных книг “о подвигах” императора, а его прах был погребён в знаменитом Доме инвалидов. Затем был построен мавзолей из карельского порфира, который был подарен Николаем I. Как Россия уважает чужую славу! К мавзолею потянулись тысячи французов. Были и мы там, в его основании помещены барельефы побед Наполеона, в том числе взятия Москвы. Русская женщина-гид, когда вела нас по мавзолею, тихо попросила: “Вы только не заглядывайте вниз, не склоняйтесь. Французы самодовольно говорят: “Вот и русские кланяются победам нашего императора”.

Когда же мы научимся ценить своих почивших вождей?

ПЕСНИ В ГОСПИТАЛЕ 1943 ГОДА

Зимой в январе 43-го я оказался в омской больнице. А рядом стонал, хрипел, тяжело дышал, иногда бесшабашно пел госпиталь. Страшно было в полночь, когда кто-то душераздирающим криком обращался к сестре: “Сестрица, сестрица, дай морфию, ну, дай же ты, стерва! Я ж умру завтра!” Потом, наверное, был укол, становилось тише. Днём после обеда, когда проходил медицинский обход, госпиталь радовался, запевал песни. Наверное, вот эти:

*Оба молодые, оба Петя,
Оба полюбили медсестру.*

Чей-то голос выводил:

*Ну, что ж, не любит, так и не надо,
Зато уж я её люблю.*

Его прерывали: “Ну, хватит. Не рви душу, найдёшь другую”.

Часто пели “Шаланды, полные кефали”. Все затихали, когда один раненый (как нам сказали, почти слепой) запевал, медленно подбирая музыку:

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

“Это на нашем фронте написано”, – сказал он, закончив песню.

Да, после первых набатных и укрепляющих дух песен появились и лирические, даже грустные, хотя политорганы грусть, тоску пытались в войска не пускать. Нынешние “умники политкорректности” заносят это в разряд жестокой тоталитарной цензуры. А то был закон войны: сохранить высокий боевой дух, не дать унынию, безволию, безразличию овладеть бойцами.

А песни-то и сами меняли характер. когда армия стала наступать. Это видно по стихам великих песенников Алексея Фатьянова “На солнечной поляночке”, “Соловьи”, “Горит свечи огарочек”, Евгения Долматовского “Моя любимая”, “Офицерский вальс”, “Песня о Днепре”, Владимира Агапова “Тёмная ночь”.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

XIX век был “золотым” веком великой русской литературы. Для русской, советской литературы периода Отечественной войны это были годы возвышения Родины, нашего Отечества, прославления русского характера, требования возмездия, прославления воина, утверждения любви и гуманизма.

Если бы наша литература не создала ничего, кроме романа “Они сражались за Родину”, повести “Взятия Великошумска” и поэмы “Василий Тёркин. Книга про бойца”, то всё равно была бы великой, а этот её военный период заслужил право быть занесённым в вечно живую летопись русской словесности.

Сдается мне, что из всех праздников советской эпохи в XXI веке всенародным останется лишь праздник Победы 9 Мая. Да и то на него покушаются десталинизаторы.

Этот день – и день Памяти, и день Скорби, и день Торжества. Может быть, впервые в XX веке весь народ в ту весну 1945-го был един. Была усталая, изможденная, но полная торжества страна. Был великий, израненный, преодолевший унижения и оскорбления поражениями народ-победитель. И эта Победа уже в генах каждого русского человека, в памяти истинного гражданина России, соотечественников бывшего СССР. Ее не вытравить, не изничтожить, как бы ни старались вынырнувшие из небытия и оседлавшие многие российские СМИ группы бывшего геббельсовского агитпропа, из структурно неформировавшегося, но цепкого комитета “Антипобеда”. Правда, таких агитпроповцев сейчас поменьше, чем в начале перестройки, – народный гнев и отпор примяли многих. Но посеянные семена предательства то и дело дают ядовитые всходы. Вот одна газета перед праздником Победы дает интервью с лидером чеченских сепаратистов под видом объективной информации. Ну, действительно, почему было не дать в 1942 году интервью с фельдмаршалом Паулюсом или с самим Гитлером?

“Московский...” же так называемый “комсомолец” отвел целую полосу предателю Резуну, уже который год доказывающему: правильно, что Гитлер напал на СССР первый, иначе бы Сталин вскоре напал на него, бедного. Гитлер ведь стремился “спасти европейскую цивилизацию”, которой он, Резун, ревностно служит. На целый газетный лист газетка развела глубокомысленную беседу об этом “историческом открытии” Резуна (так называемого Суворова). Нет сомнения, что Божие наказание не минет предателя, коль судебные, государственные и карательные структуры бессильны.

Да простят меня читатели за гневные и резкие слова, когда мы говорим о Победе. Но я воспитан в годы Великой Отечественной войны и замирал у черной тарелки репродуктора в день скорбных сводок, когда наши войска оставляли города, радостно кричал соседям, когда из дребезжащей мембраны прорывался отнюдь не громоподобный, а хриплый голос Юрия Левитана, извещающий о победах под Москвой и Сталинградом. Я вместе с мальчишками расставлял флажки и двигал ленточку на запад на карте Европы в 1945 году. Для нас, пацанов и девчонок, это была война наших отцов, наших братьев, всех родных, это была Отечественная война, а не какая-нибудь Пуническая, или даже Вторая мировая, или тем более – “война двух хищников”, как изволят выражаться либеральные писаки. Для нас Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Зоя Космодемьянская, Алексей Маресьев и Александр Матросов были живыми современниками, утверждавшими победу своим подвигом. Тогда и помыслить было невозможно, что кто-то покусится на их жертвенность, на их мужество. Правда, и власть заботилась, чтобы их героизм не пустили по ветру, не запятнали, и поддерживала тех, кто воспевал воинов и героев. И это отнюдь не было проявлением тоталитаризма. “Певец во стане русских воинов” – это лучшая традиция отечественной литературы. Когда в январе 2000 года писатели России провели свой “фронтной” пленум в воинских частях, сражающихся с сепаратистами и бандитами в Чечне, мы не раз вспоминали фронтные строчки А. Твардовского, Л. Соболева, А. Толстого, К. Симонова, А. Сафронова, Б. Полевого, А. Фадеева, В. Кожевникова, И. Эренбурга, А. Суркова и других писателей разящего слова Отечественной войны. Среди авторов той военной поры постоянным было и имя Михаила Шолохова. Когда мы с Валентином Осиповым в издательстве “Молодая гвардия” в 70-е годы решили выпустить книжку его военных публикаций, то набрался солидный том публицистики. У Михаила Александровича тема войны была постоянной, пульсирующей,

живой. Он, как никто другой, представлял трагичность войны и величие победы в ней. Он хотел запечатлеть образы рядовых, вынесших на своих плечах ее тяготы. Он хотел обозначить судьбу человека в ее разрушительное время.

Вспоминаю его рассказ, в котором, возможно, есть некоторые пропуски, недомолвки, связанные с тем, что слышал я его двадцать пять лет назад. Михаил Александрович рассказывал, что с передовой Западного фронта он приехал в редакцию “Красной звезды”, отдал подготовленный материал и вдруг получил приглашение в ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами, аналог общества Дружбы).

– Я, – говорил он, – еще подумал: идти или не идти. Одежда – гимнастерка, галифе помятые, подмасленные, фронтовые. Да и обещал возвратиться поскорее. Но воксовцы звонили, настаивали: “Важная встреча! Нам присылают американскую помощь!” Ладно! Пришел в Дом ВОКСа. Все толпятся вокруг кресла, на котором восседает невзрачный, по-английски на скворца человек. Подбегают и ведут к креслу. Представляют по-английски:

– Это наш всемирно известный русский писатель Шолохов.

А он, сидя в кресле, небрежно протягивает мне руку. Разобрало. Я как крикну:

– Встать!

Он и вскочил, обе руки протянул. Оказалось, в прошлом из Одессы. Нагайку казачью помнит. Пригласили за стол. Провозгласили тост. Гость на меня с опаской косится, а Илья Эренбург ему рассказывает: в Калуге его поразило, что в центре города повесили еврейскую девочку. Я даже по столу пристукнул:

– А тебя, Илья, не поразило, что во рвах и на улицах тысячи русских убитых лежали?!

С досады хлопнул полстакана водки и вышел. Кто-то за мной побежал, кто-то просил возвратиться, но я отмахнулся.

Пришел в гостиницу и думаю: сейчас уехать на фронт или утром? Решил утром. А утром – стук в дверь. Открываю... Два капитана с голубыми петлицами:

– Товарищ Шолохов?

– Да...

– Пройдемте...

Ну, вот, думаю, говорил же себе, что надо вечером было ехать. Выхожу, сажусь в машину. Те двое рядом, с двух сторон. Едем от гостиницы “Москва”. Смотрю: если прямо, то на Лубянку к Берии, если направо, то в Кремль. Повернули направо, еще раз направо, проехали через Спасскую башню в Кремль. Провели меня по коридорам, заводят в кабинет и исчезают. За столом Поскребышев, помощник Сталина. Молчит, и я промолчал, сел. Смотрю на галифе, а они замаслены над коленками. Тушенку в землянке поешь, а руки потом положишь на колени... Пятна получаются. Звонкок. Поскребышев зашел. Через минуту выходит, распахивает дверь, показывает рукой – заходи. Зловеще шепчет: “На этот раз тебе, Михаил, не отвертеться”. Я пожал плечами, еще раз подумал: “Надо было вечером уехать”, – и зашел. Дверь за мной аккуратно так закрылась. У окна спиной ко мне стоит Сталин, курит трубку. Молчит. Проходит минута, вторая. Затем тихое покашливание и из дыма трубки жесткий голос, с характерным акцентом:

– Товарищ Шолохов, гаварят, вы стали больше пить?

У меня что-то мелькнуло в голове, не объясняться же, я и ответил:

– Больше кого, товарищ Сталин?

Трубка у него вся закружилась, он запыхал ей, запыхал, головой покачал и, отойдя от окна, с легкой улыбкой пригласил сесть. Прошелся вдоль стола и спросил:

– Скажите, когда Ремарк написал “На Западном фронте без перемен”?

– Кажется, в 28-м, товарищ Сталин.

– Мы не можем ждать столько лет, товарищ Шолохов. Нам нужна книга о тех, кто сейчас сражается за Родину.

А я уже о такой книге думал... Еще мы говорили о солдатах, о генералах, о женщинах, о жертвах... Когда выходил, Поскребышеву под нос кукиш сунул:

– На!

И вечером был на фронте.

Наверное, именно там, на Западном фронте, где шла кровавая битва и где летом 1942 года, как считало наше командование, должно было про-

изойти решающее сражение, Шолохов и вбирал в свою творческую память кровь и пот, драму и героизм войны. Командование ошибалось. Гитлер пытался решить судьбу войны на юге, двинув свою армию на Ростов, Кавказ, Сталинград. Шолохов в эти дни был на юге, он писал и печатался в газете “Правда”. 22 июня (в годовщину начала войны) печатается рассказ “Наука ненависти”. Он писал в начале июня о своём главном герое: “Мне вот Герасимов покоя не даёт... Однажды встретился с пленным офицером, который гнал в тыл скот. “Меня на фронт не допускают, сбежал из лагеря от немцев, из плена. А вы, наверное, на фронт?” Вот тогда ещё прорисовывался образ Соколова из “Судьбы человека”. А ведь ещё 16 августа 1941 года был приказ Ставки, который приравнивал пленных к предателям. Постановление ЦК, в котором говорилось о том, чтобы отправлять пленных не в тыл, а на фронт, вышло после публикации рассказа. Случайно ли?

В июле немецкие бомбы упали на дом Шолохова, погибла мать Михаила Александровича, утрачен архив писателя. Шолохов на Сталинградском фронте. Там произошёл разгром немцев. В феврале 1943 года 6-я армия Паулюса капитулировала.

В мае 1943 года “Правда” напечатала первые главы “Они сражались за Родину”. Роман пишется уже всю оставшуюся жизнь, переделывается, дополняется.

В 1947 году в Вешенской он сказал корреспонденту И. Араличеву, что роман “Они сражались за Родину” пишется труднее, чем “Тихий Дон”: “Меня интересует участь простых людей в минувшей войне. Солдат наш показал себя в дни Отечественной войны героем. О русском солдате, о его доблести, о его суворовских качествах известно миру. Но эта война показала нашего солдата в совершенно ином свете. Я хочу раскрыть в романе новые качества советского воина, которые так возвысили его в эту войну. В “Тихом Доне” я был свободен перед живыми и мёртвыми, там всё было историей, а сейчас передо мной живая жизнь... Так же, как и во времена “Тихого Дона”, приходится все неоднократно переделывать, тщательно взвешивать каждую деталь. Материала обилие. Хочется роман сделать лучше, компактнее”.

Не буду дальше останавливаться на судьбе этого романа, но после его гениального воплощения Сергеем Бондарчуком в кино мы все ждали третьей части. Не могу рассуждать, потому что, во-первых, не знаю (хотя есть и другие причины), почему она не появилась. По болезни ли, по причине неприятия властей и отчуждения от них писателя, по другим ли каким причинам (мистическим, возможно, причинам, как вторая книга “Мёртвых душ”) не вышла она в свет, не знаю. Но некая надежда теплилась, да и не исчезла сегодня. В последний приезд с В. Осиповым в 1983 году в Вешенскую мы поднялись на второй этаж в спальню, где лежал он, а рядом книга воспоминаний маршала Жукова.

– Читаете?

– Перечитываю...

Сразу нахлынули мысли и соображения. С наивным видом поглядел на шкафы, тумбочку и под простак спросил: “А здесь рукописи третьей книги “Они сражались за Родину” нету?” Михаил Александрович ответил серьёзно, с нажимом на первом слове: “Здесь её нету”. Так и ушли мы, не развеяв своих сомнений.

А то, что написал Шолохов – классика литературы о Великой Отечественной войне.

* * *

Леонид Леонов не раз бывал на фронте под Ленинградом во время наступления Волховского и Ленинградского фронтов. Был свидетелем боевых действий на Украине в районе Киева и западнее его. В ноябре-декабре 1943 года лёгких боёв на войне не было, все они были жестокие и кровавые, во всех них были свои герои, во всех них были зародыши будущей общей победы. Леонов находился в частях танковой армии генерала П. С. Рыбалко. В сражении в районе города Житомира немцы намеревались взять реванш за летнее отступление, перебросив туда свои танковые дивизии из Греции, Италии, Дании. Но наши войска, отступая, перемололи отборные танковые части врага

и 24 декабря перешли в наступление. Всего один день 23 декабря и запечатлён в повести, а фактически в романе “Взятие Великошумска”. Но в нём писатель спрессовал чуть ли не всю войну, вернее, тысячи её обличков, характеров, событий. Так, появившийся в снежной кутерьме генерал танкистов Литовченко, наблюдая, как разгружаются его танки, вслух размышляет перед офицерами, сопровождающими его: “Я говорю: грозен наш народ... Красив и грозен, когда война становится для него единственным делом жизни...” Он собирался прибавить также, что хорошо, если родина обопрётся о твоё плечо, и оно не сломится от исполинской тяжести доверия, что впервые у России на мир и на себя открылись удивлённые очи, что народы надо изучать не на фестивалях пляски, а в часы военных испытаний, когда история вглядывается в лицо нации, вымеряя её пригодность для своих высоких целей. Но офицер что-то буркнул невпопад с непривычки к отвлечённым суждениям... да, кстати, над ухом затрещал мотор...” Начинались картины танкового движения. Автор при завязке показал выгрузку танкового соединения для вхождения в бой и в его повесть. Он обнаружил ошеломляющие знания о танке, траках, левых фракциях, ленивцах, железных ползунах, обо всём, что окружало эту машину танка. Позднее он вскрыл и заставил работать его механическое нутро. Это профессиональное знание и проникновение в военно-технические реалии автора было отмечено позднее в Главном бронетанковом управлении, а замкомандующего сказал Леонову: “Не угодно ли Вам немедленно получить инженерно-танковое звание?” Но не о железе танка была эта повесть. Она о железе и хрупкости человека, об изломах души и её стойкости.

Да, конечно, в центре экипаж Т-34 под номером 203. Каждый из бойцов: командир, лейтенант Соболюков, молодой водитель Вася Литовченко, башенный Обрядин, Андрей Дыбок выписаны автором с тщательностью. Вот командир говорит проштрафившемуся Литовченко: “Только помни, Вася... Судьба не тех любит, кто хочет жить, а тех, кто победить хочет”. Леонов органично соединяет судьбы танкистов, фронта и тыла, армии и отдельных бойцов. Он сумел запечатлеть всенародный характер войны, природу героизма, характер судьбоносного для каждого сражения. “То была мускулистая, могучая жизнь... смерть, подобно собаке, тыкалась в ноги у бессмертных, чтобы ухватить крохи с их великолепного пиршества. И всё это, как живая вода, нужно было нам, гордой, яркой нации, которая, восстав для великих дел, хочет жить вечно и глядеть на солнце орлиным взглядом”.

Известны его размышления: “Герой, выполняющий долг, не боится ничего на свете, кроме забвения. Но ему не страшно и оно, когда подвиг его перерастает размеры долга. Тогда он сам вступает в сердце и разум народа, родит подражание тысяч и вместе с ними, как скала, меняет русло исторической реки, становится частицей национального характера”.

И вот этот кинжальный рейд “тридцатьчетвёрки” и показывает обыденный и невиданный героизм. О забвении они не думали. Об этом рейде “лишь потому своевременно не узнала страна, что он затерялся в десятке подобных ему. Поколениями танкистов он мог бы служить примером, что может сделать одна, хотя и одинокая “тридцатьчетвёрка”, когда её люди не помышляют о цене победы!” Один из зарубежных исследователей творчества Леонова назвал повесть “Взятие Великошумска” лучшим романом периода Второй мировой войны.

Когда я в детстве прочитал “Взятие Великошумска”, то, затаив дыхание, следил за военными приключениями и остросюжетным рейдом танка в тыл врага. В молодости ощутил глубину авторских размышлений и взглядов на природу войны и героизма, на место Родины в жизни солдата. Прочитав сегодня, поражён волшебным умением художника, мастерством писателя, живописными образами военной схватки, увиденным и воспроизведённым сверхнапряжением, невиданным и точным количеством деталей, каждая из которых играла свою роль в художественном полотне. Умением передать медленный, спокойный ритм подготовки боя, ускорившийся в развернувшемся движении и стремительный в бою.

Я вспомнил, как в 80-х годах привёл в Переделкино к Леонову молодых тогда писателей С. Алексеева и Ю. Сергеева. Леонид Максимович завёл речь о сюжете, его увязке с ритмом повествования, с набором деталей, о его страивании, о прочёркивании “хотя бы в голове” судеб героев, которые надо воспроизвести в романе. Наверное, у Леонида Максимовича не было времени, чтобы заняться прочерчиванием судьбы всех героев героической “трид-

цатьчетвёрки” и общего плана военной операции, ибо написал свою повесть-эпопею буквально за несколько месяцев. В одном из исследований о повести Леонова верно было сказано, что “это произведение больших обобщений, широкого романтического размаха, смело сочетающее здесь приёмы романтического искусства, углублённого аналитического исследования современности с традиционной народно-героической символикой” (Е. Старикова. Взятие Великошумска. 1962).

В общем, книга-эпос, книга дыхания и пульса Великой войны, книга-учебник Великого писателя. Умные читатели, почитайте ещё раз “Взятие Великошумска”.

* * *

Ну и, конечно, “Василий Тёркин”, народная книга, книга про бойца, близкая и дорогая, согревающая, утешающая, бодрящая, живительная, как та вода, с которой символически начинается повествование автор:

*На войне в пыли походной,
В летний зной иль в холода,
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода...*

Живоносной, целебной, глубинно народной была поэзия Твардовского. Его давний знакомый по финской войне Василий Тёркин выходил, как написали позднее, “на пьедестал бессмертия”. Он стал образом бойца Великой Отечественной, побывавшим во всех её бурях, пробирался из окружения с мучительным вопросом: “Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?” Возможно, и сегодня многие из нас задаются этим вопросом. А Тёркин, отступая, вырвался к своим, а там — сплошные сражения, преодоление переправ, фронтовые дороги, ранения, оживающая в его пальцах трёхрядка и пропавший кисет, воспоминания и мечты о родине, о смоленской стороне, о подбитом самолёте, о медали, о любви и о боях, боях больших и малых, о которых с великой печалью, скорбью и надеждой “на вечную память павшим” — сказал Твардовский. Многие отрывки, строфы — это поэтические меты войны. Вот “Бои в болоте”, безвестный бой, где вода была “пехоте по колено, грязь — по грудь...”:

*Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.
— Но позвольте, — скажут снова, —
Так о чём тут речь идёт?
Речь идёт о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;
Где в трясине, в ржавой каше
Безответно — в счёт, не в счёт —
Шли, ползли, лежали наши
Днём и ночью напролёт;
Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов был им, не Харьков, —
Населённый пункт Борки.
И в глуши, в бою безвестном,*

*В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.
Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придёт — ещё повстанут
Люди в памяти живой.
И в одной бесстрашной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;
Кто за гордую твердыню.
Что у Волги, у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населённый пункт Борки.
И Россия — мать родная —
Почетъ всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная.
Жизнь одна и смерть одна.*

Василий Тёркин стал бессмертным поэтическим образом. “Он был духовной опорой и подмогой в самую страшную годину испытаний — в Великую Отечественную войну, — писал Ф. Абрамов. — Не было за всю историю русской литературы столь популярного героя, как Василий Тёркин”.

И Бунин, чувствуя величие победы и величие литературы, которая её воспевала, писал: “Я восхищён его (Твардовского) талантом — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный народный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, т. е. литературно-пошлого слова”.

Всем бойцам войны воздал должное Александр Трифонович Твардовский. Это был его творческий, великий, военный подвиг. Это был подвиг поэта России, поэта её народа.

Прошлым летом на берегу лимана у Очакова я читал юным ушаковцам, что проводили там свой слёт, не что-нибудь, а “Василия Тёркина”. Были там волгоградцы, николаевцы, москвичи, первоклассники и девятиклассники. Слушали, затаив дыхание, все понимая и сочувствуя, радуясь и грустя, улыбаясь и задумываясь — близок, близок им Василий Тёркин, а ведь семьдесят лет прошло.

* * *

Уважаемый читатель, ещё раз хочу подчеркнуть, что это не исследование (подобное замечательным книгам профессоров П. Выходцева, Б. Леонова). Это как бы личное впечатление и обращение за поддержкой в наши нелёгкие, не знаю, “окаянные” или просто драматические дни. Каждый раз, когда жизнь становится просто невозможной, думаешь: “А тогда ведь было совсем смертельно, совсем гибельно”. Но ведь выжили, победили, и наша литература была тогда рядом с бойцом, вместе с ним на передовой. Она вдохновляла, оживляла, сберегала нашего человека. Давайте и мы будем укрепляться из её источника.